

Анна Поршнева

Заведение матушки Ним

истории из жизни гулящей девки

16+

Анна Поршнева
Заведение матушки Ним

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63335321

SelfPub; 2020

Аннотация

Маленькая повесть о жизни совсем несказочного заведения в почти сказочной стране Офир.

Анна Поршнева

Заведение матушки Ним

Дай им цену, за которую любили,
Чтоб за ту же и оплакивали цену.
(И. Бродский)

Кошки страны Офир

Наш город находится на самом краю могущественной и богатой страны Офир, на берегу Красного моря. Отсюда отплывают во все концы мира суда, груженные сандаловым деревом, золотом и драгоценными камнями. Сюда приплывают со всех концов мира суда, полные пряностей, пшеницы, тонкого виссона и бесценного пурпура. Город наш так велик и так известен в стране Офир, что, хотя он и имеет собственное гордое название, все уже давно зовут его просто Город.

Он вечно полон богатых купцов, подгулявших матросов, удачливых ремесленников и праздношатающихся гуляк. Это город мужчин, которым деньги жгут руки. Здесь раздолье таким, как я. А кто я такая? Я – шлюха из квартала Цветов, проживающая в одном из самых модных и роскошных домов – в заведении матушки Ним. Здесь – не сочтите это за рекламу – исполнят любой ваш каприз, самый изощренный, и от нас уходят довольными даже взыскательные ассирийцы. Не

верите? У меня в запасе есть немало историй, чтобы убедить вас в моей правоте.

Да вот возьмем хоть недавний случай с гиперборейцами. Собственно, они не были жителями этой далекой ужасающей страны, они просто были купцами, одними из немногих, побывавших в легендарной Гиперборее, стране, которая так холодна, что каждый год покрывается льдом на расстояние, равное однодневному переходу сильного мужчины, и так велика, что до сих пор еще не заледенела полностью. Купцы пробыли там достаточно, чтобы закупить полные трюмы драгоценных мехов – песца, соболя и куницы, достаточно, чтобы заледенели их руки и ноги, их тела и сердца. Только разумом еще помнили они, что когда-то были теплыми. Они достигли берегов стран Офир, высадились в Городе и пошли по его улицам, распространяя волны ужаса и холода. Они пришли в квартал Цветов, заходили в разные дома, богатые и бедные, роскошные и жалкие, и требовали себе девок. Они не развлекались с ними, а просто ложились, стараясь вновь обрести тепло от женских горячих тел. Но все было напрасно. Поутру купцы уходили, а выбранные ими девки оставались лежать в своих постелях недвижимо, и иней сверкал на их черных ресницах.

Матушка Ним очень забеспокоилась. Если гиперборейские купцы заявятся в наше заведение, как она сможет им отказать? У них большие кошельки, тяжелые кулаки и гневливые характеры.

– Они разорят меня! – вздыхала матушка Ним, – Если я предоставлю им желаемое, они заморозят моих лучших девушек, а если я откажу им, они разнесут заведение вдребезги. Ой, они разорят меня!

Все девки собрались в большой зале внизу, смотрели на воющую матушку Ним, и рыдали в голос. Никому из них не хотелось провести ночь с купцами из Гипербореи, чтобы на утро оказаться ледяной куклой в собственной постели. И только нубийка Шеба, девушка со стройными бедрами и роскошной грудью, была спокойна. Она подошла к хозяйке заведения и сказала:

– Матушка Ним, не убивайтесь так. Я знаю, как нам спастись от этой напасти.

И она посоветовала пойти на кухню и собрать кошек, которые во множестве кормились там, охотясь на мышей и крыс.

– Пусть каждая из нас возьмет себе по кошке, и каждую ночь, отходя ко сну, поит ее теплым молоком и кладет спать с собой. Минет несколько дней, кошки почувствуют себя хозяйками в наших постелях, и вы увидите, что будет.

И вот через неделю купцы, привезшие с собой холод из Гипербореи, оказались-таки в заведении матушки Ним. Они потребовали себе лучших девок, поили их настоящим вином, а потом повели наверх, в комнаты. И каждая из девушек попросила разрешения взять с собой в постель свою кошку. И купцы согласились, потому что были, по сути, не злыми

людьми. А кошки уже привыкли к теплым и мягким постелям, и даже холодные тела купцов не смутили их. Всю ночь кошки мурчали и потягивались, и переворачивались с боку на бок и не оставляли облюбованные места.

Наутро купцы проснулись и увидели, что девицы, лежавшие рядом с ними, живы, и почувствовали, что по жилам снова течет теплая кровь.

Ибо кошки страны Офир таят в себе неиссякаемый источник огня, и мудрая матушка Ним повелела, чтобы отныне ни одна кошка, пришедшая к ней в дом, не ушла голодной.

День и ночь, закат и восход

Как-то в заведение матушки Ним пришел старший мастер братства кожевенников, большинство из которых, как известно, являются выходцами из Месопотамии. Источая отвратный запах, присущий его ремеслу, мастер рассказал, что его сородичи намерены провести древний обряд, восславив великую богиню Иштар. Для обряда была потребна девка известной профессии, такая, что ни разу не рожала, и чтобы кожа ее была прохладна, а волосы обильны. На целый месяц намеревались кожевенники забрать ее в свою слободу, и там бы к ней каждый день всходили все мужчины из братства: днем – блондины, и ночью – брюнеты, а на закате и восходе – те, чьи волосы носят огненно-рыжий оттенок.

– Мы – дорогое заведение, – отвечала ему матушка Ним. –

За ночь с худшей из моих девушек я прошу три серебряных монеты, а такая, о какой просишь ты, будет стоить не меньше пяти золотых.

– Что ж, – отвечал ей мастер, – ты дашь мне требуемое, и я заплачу тебе двести раз по пять золотых монет.

При мысли о таком барыше матушка Ним едва не вскочила и не побежала тотчас за девкой, чтобы передать ее кожевенникам. Потому что уже знала она, кто подходит для такой цели. Жила в ее заведении моавитянка, обладавшая одним изъяном, который, впрочем, ничуть не мешал ей в жизни – она не чувствовала никаких запахов, даже самых острых. Это была молодая нерожавшая женщина, волосы которой водопадом спадали на спину, а кожа была нежна и прохладна, словно лепестки роз под утренней росой. Ей и велела матушка Ним собрать все, что будет ей потребно в течение месяца и идти вслед за старшим мастером братства кожевенников, который уже успел отсчитать задаток – триста полновесных золотых монет.

Итак, моавитянка жила месяц в кожевенной слободе, и принимала без усталости мужчин – молодых и старых, красивых и уродливых, умных и глупых, а потом благополучно возвратилась в заведение матушки Ним.

По истечении же двух месяцев стало ясно, что она понесла, и девка продолжала жить в нашем доме, уже не работая. Чрево ее раздулось до невиданных размеров, то и дело ребенок стучался в нее изнутри, извещая мир о своем желании

поскорее выбраться наружу, и мудрая матушка Ним говорила:

– Истинно, девки, не один младенец таится в ее утробе, а, по крайней мере, трое.

И вышло почти по ее слову – после двадцати часов трудных родов моавитянка произвела на свет четырех мальчиков. Все они появились на свет с волосатыми макушками. Волосы одного из них были черны, как смоль, второго – белые, как лебединый пух, а головы третьего и четвертого венчали медные кудри.

Матушка Ним немедленно известила старшего мастера братства кожевенников о произошедшем событии. Он тут же явился к нам в дом, сопровождаемый жрецом Иштар и старейшинами общины. Они вошли к лежавшей в постели моавитянке, поклонились ей и младенцам, и покрыли все ее ложе полновесными золотыми монетами.

С тех пор моавитянка стала честной женщиной, купила себе масличную рощу и виноградник, в котором весело играют четверо ее разномастных детей.

Удар кинжала

Третья история о заведении матушки Ним, которую я хочу рассказать вам, случилась со мной. Как-то раз к нам в дом пришла целая толпа грязных и оборванных матросов. Но хозяйка не прогнала их – она знала, что это была команда фи-

никийских пиратов, пропивавшая в Городе огромный куш, который сорвали они, ограбив караван греческих торговых судов.

Эти финикийцы были весьма осведомлены об обычаях, принятых в публичных домах Города. Например, знали они, что девкам на пирушках у нас подают не вино, а окру – красный напиток из цветов гибискуса, чтобы девки не теряли голову и не обслужили случайно клиента бесплатно. Пираты учинили небольшой скандал и добились-таки, чтобы раб вынес кувшины с вином в большой зал, в котором пировали гости; один из финикийцев занял место виночерпия и щедро разливал напиток, как мужчинам, так и женщинам. Среди этих женщин была и я.

Я в тот день была одета в тонкое платье из багряного шелка, на который так падки держащие власть в своих руках. Может поэтому, а может, почему-то еще предводитель пиратов стал уделять мне особое внимание. Он собственноручно подносил мне чаши с вином, кормил меня из рук фруктами в меду и беспрестанно целовал. От его поцелуев, а еще больше от вина, я разгорячилась и принялась танцевать, а финикийцы отбивали ритм ладонями и ступнями.

Наконец главарь подошел ко мне и остановил мой танец, грубо схватив меня за руку.

– Посмотрим, – вскричал он, бешено вращая глазами, – так ли ты хороша, девка, как кажешься!

Я думала, что он потащит меня наверх, в уединенные ком-

наты, но вместо этого капитан выхватил длинный кинжал, и не успела я глазом моргнуть, как вонзил его мне прямо в сердце. Я почувствовала боль и холод металла и приготовилась уже умереть. Тут все финикийцы встали вокруг меня и сказали хором:

– Посмотрим, так ли ты хороша, девка, как кажешься!

И главарь вырвал кинжал из моего сердца. Сначала ничего не произошло, а потом из груди моей забила фонтаном красная струя. Финикийцы подставляли свои бокалы, и наполняли их, и пили, и хвалили меня, а я все не умираю. Под конец струя стала едва течь, и главарь налил только полкубка, как жидкость иссякла. Он дал мне пригубить, и я попробовала, и поняла, что это лучшее сладкое вино из тех, что я пила в своей жизни.

– Нет ничего слаще, – говорили мне наперебой финикийцы, – чем вино, которое образуется в теле пьяной гулящей женщины, когда она разгорячится, как следует.

Но, хотя вино и вправду было очень вкусно, я бы не хотела еще раз стать его сосудом.

Преимущества и недостатки

Правитель города возлежал на подушках, вышитых золотом и пурпуром, и лениво смотрел на стоявшую перед ним женщину. Правитель города был молод – этой весной ему исполнилось двадцать два года. Он был одновременно стра-

стен и пресыщен жизнью, от чего яростно брался за разнообразные дела, которые потом завершал медленно и неторопливо. Вот и сейчас шел шестой час судебного присутствия и это, последнее на сегодня, дело казалось ему не стоящим выеденного яйца. Честные женщины Города принесли жалобу на свободную куртизанку, носившую прозвище Галатея, незаконнорожденную дочь греческого купца. Галатея эта была весьма известна в Городе за свое потрясающей красоты сложение, острый ум и необыкновенное танцевальное искусство. Честные женщины обвиняли ее в том, что их мужья проводят все вечера и ночи на ее дворе, выбрасывают ежевечернее там на ветер целые состояния, покупают богатые подарки не им, честным женам, а этой шлюхе и вообще забыли свои отцовские и супружеские обязанности в разгульных пирах и оргиях.

Галатея и вправду оказалась сметливой женщиной и довольно ловко защищалась.

– Виновата ли я, – говорила она, – что в молодости мать не сыскала мне жениха, как то подобало бы доброй родительнице, а вместо того продала мою невинность одному знатному вельможе, имени которого я не назову здесь, уважая его скромность?

Виновата ли я, что с тех пор не было у меня другого пути, как стать куртизанкой?

Виновата ли я, что оказалась искусной в любовной науке, и в приятном разговоре, и в изящном танце?

Виновата ли я, что развила свой ум во встречах с иноземными купцами, поэтами и художниками?

Виновата ли я, что мое общество приятнее для мужчин Города, чем общество их, без сомнения, честных жен?

Правитель Города задумался. Он, действительно, не мог обвинить женщину в том, что она привлекательна. С другой стороны, он не мог отвергнуть справедливую жалобу и восстановить против себя всех честных женщин.

– Послушай меня, Галатея. Я не могу лишиться тебя красоты, приятности и ума. Но и ждать, пока пройдет время, и твои преимущества рассеются сами собой, я тоже не могу. Поэтому предлагаю тебе согласиться с тем, чтобы у тебя появился один маленький недостаток.

– Я согласна, – отвечала Галатея, которой совсем не хотелось спорить с властями.

И правитель призвал опытного палача и повелел ему оделить женщине одну фалангу от мизинца на левой ноге. С тех пор куртизанка стала немного прихрамывать и уже не могла так легко танцевать свои призывные танцы. Впрочем, она заказала на изуродованный палец себе золотой наконечник, весь покрытый изящной резьбой, и стала называться Галатеей золотой мизинец.

Вот с тех-то пор все девки Города стали находить и лелеять в себе какой-нибудь недостаток. У одной это был горбатый нос, у другой – оттопыренные уши, у третьей – грубая форма рук, у четвертой – короткая шея. Те же из них, кому

не посчастливилось иметь изъяны, делали татуировку на щеке в виде цветущего пиона или мака. Так веселый квартал Города получил название квартала Цветов.

Жена дракона

Конечно же, едва она начала рассказывать свою историю, мы поняли, что она лжет. Во-первых, она была ассирийка, а ассирийки рождаются с ложью на устах. Во-вторых, она все время улыбалась, словно радовалась, что ей удалось так ловко запутать нас. И в-третьих, этого просто не могло быть. Просто не могло быть, и все.

Хотя в чем-то она не покривила душой. Например, в том, что до прошлого апреля она жила в доме чернобородого Асура. Она совершенно правильно описала их главную залу, убранную полотнищами неотбеленного шелка и заставленную вазами с тяжело пахнущими цветами. Она знала кривого привратника и длинную Лею, которая заправляла там девками в отсутствие хозяина, который вечно пропадал по кабакам и лишь иногда, под утро, заявлялся всегда пьяный, но всегда в твердой памяти, чтобы забрать выручку и продегустировать какую-нибудь новую эфюпку.

Не лгала она и в том, что была беременна – об этом громко свидетельствовал ее круглый, нагло выпятившийся живот.

Но всему остальному, о чем говорила ассирийка, поверить было совершенно невозможно.

А говорила она следующее – в прошлом апреле на пороге чернобородого Ассура появились странные люди. Они принесли с собой шкатулку, полную яхонтов, и большое, искусно отполированное бронзовое зеркало. Они сказали, что их хозяин решил взять себе наложницу из квартала Цветов, и чтобы выбрать ее, они проверяют девок особым образом. Каждая должна заглянуть в зеркало и подойдет лишь та, которая отразится в нем верно. Чернобородый Ассур засмеялся – это было очень хорошее зеркало, и он сам отражался в нем точь-в-точь, как живой, вместе со своей роскошной бородой.

Однако, когда девки, одна за другой, стали подходить к зеркалу, каждый мог видеть, что вместо женщины там отражалось черти что. То гигантская, покрытая бородавками жаба, то облако синего дыма, то пустое платье. И только ассирийка отразилась в нем полностью, как была, со всеми своими статьями.

Странные люди очень обрадовались, передали шкатулку с яхонтами чернобородому Ассуру, и увели девушку с собой. На границе города они дали ей глотнуть из фляги какого-то пряного вина, и она от того потеряла память и совсем не может сказать, куда ее увезли.

Очнулась ассирийка в богатом дворце, залы которого были так велики, что можно было устать, пока идешь от одной его стены к противоположной. В тот же день ее познакомили с новым хозяином. К ее ужасу, это был огромный, пере-

ливчато-зеленый дракон с зубастой пастью и когтистыми лапами. Дракон разговаривал с ней посредством образов, которые посылал беззвучно. Он сказал, что ему пришла пора занять потомство и для того ему потребна особая женщина. Ассирийка очень испугалась и стала умолять отпустить ее, потому что она точно не выдержит соития с таким гигантом, на что змей рассмеялся и сказал, что драконы сходятся с женщинами особым тайным способом, о котором нельзя рассказывать посторонним. Как мы ни упрашивали, она не открыла нам тайны.

И вот, через некоторое время, рассказывала ассирийка, выяснилось, что она беременна. Дракон держал ее при себе еще некоторое время, а потом отослал, так же опоив пряным вином, назад. Он сказал, что дитя дракона может вырасти настоящим свирепым и крепким, только если созреет среди людей, впитывая в себя их жадность и жестокость. И вот теперь женщина пришла к матушке Ним, так как ей известна мудрость хозяйки заведения и просит приютить ее до родов. А уж когда она родит опаловое яйцо, из которого, помещенного в огонь, на третий день вылупится юный змей, ее муж возблагодарит матушку Ним, прислав ей не одну, а две шкапулки, полных яхонтов.

Наша хозяйка покачала головой, поцокала языком, и разрешила девке остаться.

И что бы вы думали? В положенный срок ассирийка разродилась и принесла здорового крепкого младенца. Девочку,

которая, несомненно, как и все ассирийки, родилась с ложью на устах.

Запретная еда

Страна Офир известна не только своими купцами и мореплавателями. Страна Офир известна своими поварами. Даже в захудалой обжорке в самом грязном и дальнем углу порта вам подадут такую рыбную похлебку, что вы не забудете ее во всю жизнь. Известным только избранным мастерам способом рыба будет выварена в похлебке настолько, что кости станут мягкими и рассыпчатыми, точно лепешка, и в то же время суп не потеряет остроты и яркости вкуса. И не только в Городе можно найти такие лакомства. Один из египетских купцов, давясь слюной от сладостных воспоминаний, рассказывал мне про рагу из сурка, тушеного в меду с тимьяном, которое он отведал в каком-то бродячем стойбище пастухов далеко на востоке страны.

Да, в стране Офир любят вкусно поесть и знают толк в еде. Кажется, нет такого яства, которого не отыскали бы и не испробовали жители Города. Но оно есть.

Случилось это давным-давно. А может, и не так давным-давно? Во всяком случае, матушка Ним уверяет, что была тогда семилетней девчонкой и прекрасно помнит все события, о которых толковал весь Город.

Как-то раз в одно из самых больших заведений квартала

Цветов постучались смуглые люди. Их платье было просто – хлопковые вышитые рубахи и штаны, но руки и ноги были унижены тяжелыми золотыми браслетами, а у некоторых в нос или ухо с удивительным мастерством были вделаны неоправленные бриллианты. То были индусы. Гости гуляли в заведении несколько дней, были ласковы и приветливы и, казалось, больше старались угодить девкам, чем девки старались угодить им. Наконец, на пятый день, они сказали, что знают одну тайну и хотят открыть ее хозяину заведения, чтобы оно еще больше прославилось в Городе. Они велели принести чан охлажденного цельного молока, перелили молоко в кожаный мешок, взяли в руки длинные палки, которыми снабжены у нас охранники, и принялись бить по бурдюку с молоком. Били они час, били два, может, и три часа били – много времени прошло. И вот один из них развязал мешок, запустил в него свою смуглую руку, не снимая браслетов, и вытащил маслянисто блестящий шар цвета слоновой кости.

Гости стали отрезать длинными ножами кусочки от шара и класть их в рот девкам. Сначала девки испугались, но потом распробовали, что из молока получилось дивное лакомство, которое было в меру сладко, и нежно, и таяло во рту, стекая по горлу приятными волнами. И так девки с гостями съели весь масляный шар.

Но едва лишь исчез последний кусочек, как до их слуха донеслись горестные вопли с улицы. Все высыпали наружу и увидели, что солнце – а недавно миновал полдень – покры-

лось черной мглой, и только красноватое кольцо еще видно на небе. Люди посыпали себе голову пеплом, рыдали и кричали, а жрецы возглашали, что боги разгневались на нас за наше нечестие и скоро огненный дождь падет и испепелит Город.

– Это мы виноваты! – прошептала вдруг одна из обитательниц заведения. – Мы съели образ солнца, и светило обиделось и скрылось от нас.

Тихо она это сказала, но нашлись уши, которые услышали, и уста, которые повторили. И неизвестно, чем бы вся эта история закончилась для индусов, если бы через некоторое время край солнца не появился на небе, все расширяясь, и постепенно светило не вернулось на свое прежнее место.

Но с тех пор в городе ни один человек не рискнул еще раз попробовать взбить молоко и съесть заморский деликатес.

Поэт

В Городе ценят поэтов. Но как-то так повелось, что с поэтами в Городе все время что-то случается. То стихоплета прирежет в пылу ссоры из-за неудачной эпиграммы какой-нибудь рогоносец. То, возвращаясь с пирушки, песнопевец поскользнется и сломает себе обе ноги. То правителю не понравится героическая ода, в которой автор не воздал должного его храбрости и уму, и он повелит бить поэта плетьюми и гнать из пределов Города. Причем несчастья ва-

лятся не только на бедных рифмоплетов, которые добывают свой нелегкий хлеб сложением панегириков и непристойных песенок, но и на вполне себе преуспевающих людей.

Возьмем хоть Антиоха. Антиох был сыном богатого купца от греческой наложницы. И как-то так получилось, что все другие сыновья умерли во младенчестве и единственным наследником остался этот незаконный, но признанный сын. Купец потратил немало денег на обучение и воспитание Антиоха, но, видно, недостаточно уделял внимания военной науке и атлетике, ибо юноша вырос изнеженным и хрупким, как нарцисс.

Кроме того, Антиох не проявлял никакого интереса к купеческим делам и проводил все свои дни в бездельи, а по вечерам устраивал кутежи с друзьями, на которых громко возглашал сочиненные экспромтом любовные стихи. И вскоре так прославился за это свое уменье, что каждая свободная куртизанка Города считала за честь принять его у себя с тем, чтобы гости насладились игривой поэзией. Специально обученные скорописи рабы записывали за Антиохом, и списки его творений разошлись далеко за пределы страны Офир.

Годы шли, а Антиох на вид оставался все тем же худым (ибо он пил куда больше, чем ел) и хрупким юношей, тратящим все время на пиры и кутежи.

Отец его, будучи рассудительным человеком, прибегнул к последней мере и женил сына. Выбрал ему достойную невесту из состоятельной семьи и стал ждать, когда сын остепе-

ниться. Но ничего из этого не вышло. По вине ли Антиоха, по собственному ли изъяду, жена все никак не могла понести, и только копила в себе могучие женские силы, что не могло кончиться хорошо.

Собственно говоря, все кончилось плохо.

Однажды, когда известный далеко за пределами страны Офир поэт Антиох вернулся домой после недельной попойки, жена вышла из себя и отвесила ему пощечину. Муж тут же упал, как подкошенный. То ли по общей слабости, то ли истощенная многодневной выпивкой, шея поэта не выдержала и сломалась.

Напрасно бедная женщина умоляла высокий суд и клялась, что не желала смерти своему супругу. Приговор был вынесен в строгом соответствии со справедливыми законами страны Офир. Мужеубицу закопали на площади по шею. И хотя милосердный палач не раз принимался плясать вокруг ее головы, чтобы поломать женщине кости и принести долгожданную смерть, она прожила еще долго, вынося издевательства и плевки от поклонников усопшего поэта.

Историйка

Самое паршивое, что может случиться с девкой, живущей в квартале Цветов, – это любовь. Изысканным гетерам, искусным в стихосложении и танцах, еще позволено предаваться нежной страсти. Она даже придает им ореол недоступно-

сти, на который, как мотыльки на масляную лампу, слетаются богатые купцы. А девке недоступной быть нельзя, так что любовь для нее – непозволительная роскошь. Впрочем, иногда мы влюбляемся. В величавых жрецов, славящих бога солнца на восходе и закате. В заезжих ласковых черноглазых купцов с Востока. В широкоплечих молчаливых стражей Правителя. В гибких, острых на язык приказчиков с базара. Но ничего хорошего для нас эта любовь не приносит. Впрочем, и предмету страсти может иногда не повезти.

Это должна была быть короткая забавная историйка, о которой пару месяцев посудачили бы в квартале Цветов, да и забыли. В одном из заведений жила молодая стройная абиссинка, которой не посчастливилось влюбиться в одного из сыновей Правителя города. То был капризный красивый барчук, недавно открывший для себя прелести плотской любви, недостаточно зрелый, чтобы завести постоянную любовницу, и потому проводивший ночи в веселых домах. Любовь абиссинки поначалу казалась ему забавной: девушка льнула и ластилась к нему, растирала его тело драгоценными маслами совершенно бесплатно, и пила его вином со своей молодой высокой груди. Она не требовала от вельможи ни подарков, ни ответного чувства. Она просто любила его всем сердцем. И понесла.

Почувствовав, что беременна, абиссинка очень обрадовалась, ибо нет для женщины большего счастья, чем родить ребенка от желанного мужчины. Она уже, верно, рисовала

себе в голове, что барчук возьмет ее в постоянные наложницы и станет заботиться о ней и младенце. Но вышло не так. Правитель Города, у которого везде есть глаза и уши, прознал о ее беременности, и однажды в заведение явилась городская стража. Она забрала абиссинку и увела ее во дворец, где опытный лекарь вырвал плод из ее тела. Женщина три дня пролежала в горячке, но лекарь давал ей горькие отвары и делал ей притирания для остановки кровотечения. Она выжила и вернулась к своей прежней профессии.

Некоторое время она была грустна, но вскоре уже веселилась с гостями, показывая в буйном смехе свои великолепные зубы. Молодой же сын Правителя продолжал кутить в квартале Цветов и однажды снова заглянул к абиссинке. Та была соблазнительна, как никогда, барчук увел ее наверх, в закрытые покои, и больше не вышел. Наутро, когда обеспокоенная хозяйка заведения заглянула в комнату абиссинки, она обнаружила юношу лежащим среди подушек с черным лицом и вываленным языком. Девки же и след простыл.

Ее долго искали во всех концах страны Офир. Ходили слухи, что Правитель послал даже тайных гонцов в сопредельные государства. Но преступницу так и не нашли. Честно сказать, мы, обитательницы квартала Цветов, были этому рады.

Боги и обитатели базара

Боги хранят обитателей базара. Купцов, приказчиков, игроков в кости, носильщиков, нищих, продавцов лепешек и водонош. И даже самых презираемых на базаре – проповедников. Проповедники появляются на базаре рано утром, дерутся между собой за удобное место в тенике, ругаются, плюются, рвут друг другу бороды и, наконец, расстилают свои драные подстилки, покрытые разнообразными пятнами, в базарной пыли, садятся на них, сложив ноги, и начинают нудеть. О милостивом боге Адагане, о суровой повелительнице Никши, о великом морском змее, покровителе купцов и сокрушителе пиратов. Всякий восхваляет свое божество и собирает подаяния с истинно верующих.

Некоторые из них так наглы, что умудряются хватать за подолы обитательниц квартала Цветов, пришедших на базар поглядеть товар и показать свое еще не постаревшее тело, и требовать от девок дать им во славу высших сил даром то, за что другие платят немалые деньги. Впрочем, мы только смеемся над попрошайками, ибо всем известно, что ни один из них в своих речах не славит великую Акидис, покровительницу любви земной и грешной.

Когда на базаре появился очередной проповедник, никто на него и внимания не обратил. Это был еврей средних лет, весь заросший бородой, в рваной хламиде. Однако он повел себя чудно: не стал биться за место в пыли, а сел прямо посередине базара и принялся поднимать руками горсти песка и просыпать их на землю. Вскоре к нему подошли другие

иудеи и стали стыдить его за то, что он позорит их землю и их веру, сидя в пыли в чужой стране среди неверных.

И тут проповедник заговорил. Голос его был громок и звучен, словно трубы царских глашатаев, и говорил он крамольные вещи.

– Истинно говорю я, – ревел он своим громоподобным голосом, – все ваши представления о богах ложны. Нет никаких древних властителей мира, восседающих на тронах из слоновой кости в своем дворце высоко на горе Ампале. Нет и морских владык, устраивающих бури и усмиряющих их по своему желанию. – Стоявшие рядом евреи довольно закивали головами.

– Что киваете вы, словно безмозглые детские игрушки, – еще громче возопил проповедник, – Нет и Иеговы, идущего впереди своего народа в облаке дыма и вещающего из огненного куста! – Иудеи замерли.

– Истинно говорю я, слушайте меня, люди! На самом деле боги малы. Столь малы они, что даже если разделить песчинку на тысячу тысяч частиц, и то каждая частица будет в тысячу тысяч раз больше бога! И боги многочисленны. Их так много, что нет на земле ни одного самого укромного места, где бы ни обитали они. И даже сейчас в окружающем нас воздухе носятся тьмы и тьмы богов. И каждый бог живет всего мгновение, но едва он умрет, родится десяток новых. Но не думайте, что боги слабы, раз они так малы. В них таится гигантская сила, и ни один самый сильный зверь, даже слон

или кашалот, не в состоянии разрушить связь, которую они построили. А даже если б и нашлась на земле такая сила...

Но ему не дали договорить. Городская стража, слыша такое невиданное богохульство, скрутила проповедника и увела в темницу Правителя.

Боги и обитатели базара (продолжение)

Когда скрученного проповедника кинули в темницу Правителя, ему – из уважения к лицу, столь много знающему о богах – выделили отдельный каземат. Каземат, как положено, был темный и вонючий, а по перепрелой соломе стадами носились веселые крысы. Проповедник прежде всего поднялся на ноги и потер болевшие от веревок руки. Затем он вскинул бороду и гордо воскликнул:

– Внемлите мне, о мыши, крысы и прочие обитатели сего проклятого места! – Грызуны и земляные блохи встрепенулись и прислушались.

– Истину глаголю! Если и найдется на земле сила, способная разорвать связи, созданные богами, (а боги эти очень сильны, несмотря на микроскопические размеры, как я уже говорил) то произойдет стихийное бедствие, сравнимое с извержением сильнейшего вулкана! Земля содрогнется, и пыль поднимется в воздух на много миль и распространится по всему небу так, что застит солнце. Во тьме погибнут посевы, и скот, и лесные звери, и рыбы. Погибнут и люди. Толь-

ко страшный восьмирукий спрут, быть может, выживет, опустившись в бездну, в которой только он может обитать, да и то сомневаюсь.

И будет царить на земле зима, подобная той, что царит на вершинах восточных гор, и тьма, много темнее обычной ночной тьмы. А когда облако пепла рассеется, маленькие боги примутся создавать новый мир и заселять его новыми обитателями.

И так вдохновленный еврей проповедовал обитателям каземата весь день и весь вечер, после чего утомился и заснул. На рассвете же проснулся, сжевал с аппетитом овсяную лепешку и выпил дурно пахнущей воды, и принялся проповедовать снова. Часа через три за ним пришли стражники и привели его на суд к Правителю.

Правитель, как ему и положено, был мудр и справедлив. Не вдаваясь в богословские споры, он приговорил святотатца к смертной казни. Неудачливому пророку надлежало быть сваренным в масле не позднее того же вечера.

В три по полудни огромный котел кипел на площади.

– Кунжутное? – спросил приговоренный подходя к котлу. – Ах, какие лепешки с кунжутом пекла моя мама!

Собственно говоря, это были его последние слова. Затем он только кричал (недолго), хрипел и булькал.

Вот собственно и вся история. Я понимаю, вы ждали чуда. Но ведь проповедник не обещал вам чудес. По правде сказать, никто не догадался расспросить его, как следует, и вы-

яснить, способны ли его маленькие боги на чудеса.

Боги и обитатели базара (окончание)

Вы, конечно, думали, что моя история о странном проповеднике уже окончена? А вот и нет.

Позвольте вам повторить те слова, которыми я начала свой рассказ: боги хранят обитателей базара. Более того, боги их любят. Купцов и приказчиков, водонош и торговцев лепешками, предсказателей и наемных игроков в кости. И даже проповедников.

На следующее утро, когда еще не был убран с площади котел, в котором сварили несчастного еврея, этот самый еврей, все в той же пыльной хламиде, как будто ее не разорвал вчера палач, обнажая тщедушное тело, все с той же торчащей нагло вверх бородой, нисколько не пахнувшей кунжутом, как будто вчера ее не окунули безжалостно в кипящее масло, снова сидел посреди базара. Он дождался, пока народ обратит на него внимание и смолкнет, пораженный удивительным возвращением, после чего возопил своим трубоподобным голосом:

– Слушайте меня, о жители славной страны Офир! Слушайте меня, о граждане великого Города! Слушайте меня, о обитатели базара! Я пришел к вам, чтобы открыть истину у божества. Бог велик. Он так огромен, что самый быстроногий конь за дневной переход не сможет одолеть расстояние

между двумя соседними волосками на его голове! Он так велик, что все страны, все моря и земли, все люди и звери, их населяющие, занимают всего лишь маленькое пятнышко, не больше едва заметной родинки, на его коже! И бог милостив. Из своей любви к нам, людям, он сидит недвижно и не шевелится, боясь потревожить наш малюсенький мир. У него чешутся подмышки, но он не утоляет зуд. У него растут ногти, но он не стрижет их и не вычищает грязи из-под них. У него затекли ноги и бедра, но он не растирает их, и даже не напрягает мышцы. Он знает, что весь покрыт миниатюрными мирами, и бережет своих неблагодарных паразитов! Внемлите мне, несчастные, вообразившие, что могут говорить со своими богами! Истинный бог не услышит ваших писклявых голосов, даже если вы все закричите одновременно!

Конечно, подошла стража и собралась было арестовать святотатца: стражи нашего города – крепкие и честные парни, не привыкшие задумываться, и их несколько не смутило, что новый богохульник так похож на вчерашнего.

Но тут проповедник поднялся на ноги и засмеялся. И смех его был подобен грохоту водопадов на Великой реке. И пока он смеялся, тело его разлетелось на мириады святящихся частиц, которые растворились в сиянии дня. От него осталась только старая хламида, упавшая в базарную пыль, да эта правдивая история.

Девка не может быть ни честной, ни чистой. Это знают все. Именно поэтому хитроумные магрибские купцы всегда снимают кольца и серьги, прежде, чем идти в веселое заведение, и тщательно осматривают все тело шлюхи перед соитием. Как можно остаться честной, когда каждый, кого ты встречаешь в жизни, норовит обмануть тебя? Как можно остаться чистой, если тебя ощупали тысячи рук?

И все же у матушки Ним можно было найти и такую редкость. Когда-то, лет шестнадцать назад, на базаре продавали рабов – мать с ребенком. Мать была сильной, крепкой женщиной, еще годной рожать, и на нее скоро нашелся покупатель. А вот дочь оказалась странной. Она и выглядела непохожей на обычную одиннадцатилетнюю девочку: рыхлое пухлое тело, одутловатое лицо, голубые глаза навывкате и пунцовые яркие, но какие-то бесформенные губы, вывернутые ноздри, редкие волосы. Кроме того, на руках и на ногах у нее было по шесть пальцев. Но, что хуже всего, девочка, казалось, совсем была лишена человеческого понятия. Она не отвечала на вопросы, не слушалась приказов надсмотрщика, только улыбалась и повторяла "Нене, Нене".

Словом, всем стало ясно, что девочка – идиотка, и никто не хотел покупать ее. Никто, кроме матушки Ним. Наша хозяйка дождалась, пока цена на рабыню упала до нижнего предела, скупно отсчитала серебро, протянула девочке очищенный стебель сахарного тростника, который продают

на базаре египтяне, и сказала:

– Пойдем со мной, Нене.

И девочка отозвалась на новое имя и пошла вслед за матушкой Ним, радостно грызя лакомство и пуская слюни.

Нене оказалась удачным приобретением. В мире не так уж мало извращенцев, но девочка нравилась не только им. Она была удивительно покорной и ласковой, и встречала посетителей веселого дома искренней улыбкой и не менее искренними объятьями. "Мужчины – те же дети", – говорила довольная матушка Ним. – "Больше всего на свете они любят, когда их любят." А Нене любила всех на свете. Во время шумных пирушек она своими неловкими шестипалыми руками сплетала венки из петрушки и сельдерея и украшала потные головы пьяниц. Она одинаково охотно растирала и мускулистые плечи молодых воинов, и сморщенные спины стариков. Она с радостью мыла ноги любого, кто приходил в наш дом и вытирала их льняным полотенцем с таким тщанием и заботой, точно это был ее новорожденный ребенок.

А вот детей-то у Нене и не было. Хитрая матушка Ним, едва замечала признаки того, что женщина понесла, тут же давала ей выпить приторно-сладкий сироп корня совиной травы. И несчастная идиотка скидывала плод. Так продолжалось долгие девять лет, но постепенно до нее дошла связь между питьем и потерей ребенка. И однажды, когда хозяйка заведения в очередной раз принесла ей чашку с сиропом, Нене исхитрилась и не выпила зелье. Еще более хитрой по-

казала себя она, когда в течение четырех месяцев тщательно скрывала признаки беременности. А когда ее положение стало явным, уже ничего нельзя было поделать.

Так Нене дала жизнь. Но, видно, не судьба была ей наслаждаться материнством. Утром женщина родила дочку, а уже к полудню умерла.

Матушка Ним и все обитательницы заведения очень горевали. Они одели Нене в платье из золотистого виссона, украсили ее запястья эмалевыми браслетами и обложили тело белыми розами, со стеблей которых были срезаны все шипы. Так ее и похоронили, в драгоценном наряде среди самых роскошных цветов.

А дочь Нене, на удивление, выжила. Ее вскормила своим молоком рыжая моавитянка, в чьей пышной груди оказалось довольно пищи для двоих младенцев. Девочке сейчас семь лет. Она живет в заведении матушки Ним и уже учится танцам и пению. Она умненькая, хорошенькая и, конечно, как и ее мать, со временем станет шлюхой. Но второй Нене она не станет. Не может два раза в одном месте появиться исключение из правила. Ведь девка не может быть ни честной, ни чистой.

Щипачиха

Задумывались ли вы когда-нибудь, куда пропадают девки, когда состарятся? Не думаю, чтобы это вас волновало. Но

каждая обитательница квартала Цветов, в полдень, умываясь, с тревогой разглядывает свое лицо, шею и тело. Сперва (и очень скоро) пропадает свежий цвет лица. Потом появляются зеленоватые тени вокруг глаз. Потом тяжелеют бедра. И дальше, все быстрее и быстрее – мелкие морщинки вокруг рта, побледневшие губы, потерявшая форму грудь, обвисший живот. И все. Век девки короток.

Так куда же мы уходим, когда теряем товарный вид? Самые удачливые и наглые, успевшие подкопить денег, безжалостно вытягивая их у горожан и заезжих купцов, открывают свои заведения. Редкие счастливицы, которым повезло покорить сердце какого-нибудь вельможи и родить ему сына, перебираются в его гинекей, не на первые роли, конечно, но все-таки это крыша над головой и кусок хлеба до конца дней. Бывает еще какая девка слюбится с рыбаком или мелким торговцем, он выкупит ее и, глядишь себе, она уже стоит, как хозяйка, на пороге его хижины, окруженная парой-тройкой ребятишек, и ждет мужа на ужин с промысла.

Кое-кто из наших пропадает невесть куда, чтобы лет через десять появится в образе сгорбленной крючконосой сводни, из тех, что прельщают сердца невинных девиц посулами и соблазняют юношей пойти туда, где пьют вино и играют в кости.

А остальные просто растворяются в Городе, словно и не было их никогда.

Правда, бывают еще такие, как Щипачиха. Это вечно пья-

ная женщина средних лет, тощая и уродливая. Раза два в месяц она заходит к матушке Ним и та, не разговаривая, подаёт пару медяков и велит налить побирушке кувшин вина, да подать зелени и лепешку на колченогий стол на задворках кухни, где обычно обедают нубийские рабы. Щипачиха не благодарит, принимает все, как должное, но сразу не садится за еду, а выглядывает из-за занавеси в большую залу. И горе той девке, которая в это время праздно будет шататься среди остатков вчерашнего разгула!

Щипачиха вцепится в нее, как клещ. Она утащит несчастную в кухню, велит подать еще стаканчик, и примется наливать ей кислое, недозрелое вино. Лепешку и зелень при этом нищенка оставляет себе, так что бедная девка напивается в хлам и уже негодна в этот день для нашей веселой работы. Впрочем, в хлам обычно напивается и Щипачиха. Она свешивает голову на тощую грудь и начинает выть старые, давно забытые скабрзные песни своей молодости. Потом принимается вспоминать былые дни, когда и солнце светило ярче, и девки были краше, и гости – щедрее. И каждое свое утверждение она подкрепляет весьма чувствительным щипком в тугое плечо, бедро или запястье собеседницы. Так что девка на следующий день вся покрыта синими пятнами, и опять негодна для нашей веселой работы.

Известно, что Щипачиха так же забавляется во всех остальных заведениях квартала Цветов. Поэтому круглый год она ходит пьяная, сытая, но все равно недовольная ны-

нешней жизнью и нынешними порядками.

Монолог Щипачихи о Правителе Города

Да ты подливай вино, подливай, не стесняйся! Жизнь коротка, и скоро ты узнаешь, что в старости вино уже не будоражит кровь, а лишь слегка согревает ее. Так вот, Правитель. Наш старый мудрый Правитель.

Знаешь ли ты, что он вовсе не так стар, как думают в Городе? Во всяком случае, он был молод в дни моей молодости. Но уже тогда был мудр. Конечно, голову его венчают роскошные серебристые кудри и в уголках глаз заметны морщинки, которые всегда появляются у тех, кто любит улыбаться одними глазами. Но ты, наверное, никогда не видела Правителя вблизи? А если бы видела, то заметила бы, что щеки у него еще гладкие и ровные, а рот так же ал, как у любого из мальчишек, продающих лепешки на базаре.

А что касается седины, то – скажу тебе по секрету! – вытяжка из незрелых ягод волчатника придает волосам дивную сияющую белизну. Когда я стану совсем старой и если я захочу выглядеть почтенной матроной, я обязательно воспользуюсь этой вытяжкой. Хотя – да ты наливай больше, не стесняйся! – пожалуй, ходить с такой снежно-белой головой по притонам неприлично.

Так вот, наш старый мудрый Правитель... Сколько баек ходит о нем в Городе, да и по всей славной стране Офир!

Про то, как к нему пришли две женщины, претендовавшие на одного ребенка, и он опознал истинную мать. Про то, как он пропустил шелковую нить в извилистое отверстие на изумруде. Про то, как разоблачил вора среди трех ювелиров. Про то, как разгадал завещание хитроумного отца, оставившего детям лишь коробки, набитые землей, костями и досками.

Впрочем, я слышала, как евреи рассказывали те же байки про своего царя Соломона, а узкоглазые гости с Востока что-то такое говорили о мудром судье У, перевирая, как обычно девять из десяти слов нашего прекрасного языка. Впрочем – выпью-ка и я еще – мы же знаем, что именно наш Правитель так умно разрешил все эти загадки.

Но самое главное, о чем мы никогда не должны забывать это то, что уже тридцать лет Правитель ведет дела в Городе так, что богатство только притекает к нам. И все мы, обитатели квартала Цветов, должны быть за это особенно благодарны, ибо в тучные годы нам благодать, а когда нищает народ, еще больше нищаем мы.

К тому же Правитель плодовит – а это высшая добродетель для мужчины у власти. Три сотни сыновей у него, а дочерей – без счета, и ни одного из своих детей он не бросил без помощи. Некоторые из них, конечно, умерли. Но в этом нет вины Правителя. Дочерей он выдает замуж в другие города и страны, тем самым укрепляя связи Города, а из самых сильных и ловких в военном деле сыновей собрал гвардию

для своей охраны. И воистину нет более надежной охраны!

Да ты наливай, наливай! Ведь всем известно, что нового Правителя изберет совет старейшин после смерти нынешнего – да продлятся его дни на этой земле! И тогда, конечно, старая гвардия будет расформирована и отпущена восвояси жить, чем боги подадут. Поэтому нет ни одного гвардейца, который не берег бы жизнь своего отца и повелителя пуще своей жизни.

Да, наш Правитель мудр. Мудр и справедлив.

Налей-ка мне еще. И знаешь, что я тебе скажу? Матушка Ним сегодня дала мне черствую лепешку и подвядшую зелень. Так что к этой петрушке и сельдерею я не притронулась, а лепешку приходится размачивать в вине. Ладно хоть вино, как всегда, молодое и кислое – точно такое, как я люблю.

Что ж, выпьем за здоровье Правителя!

Паучок

Старая гримза, которая, не известно за какие заслуги, еще не сослана доживать свой век в одно из удаленных поселений, где рабы выращивают пшеницу, репу и капусту, убирается в наших комнатах не слишком тщательно. Я еще молода и меня любят прибыльные клиенты, так что у меня есть свои покои в шесть шагов в ширину и восемь шагов в длину. Не разгуляешься, конечно.

Но зато у меня приятный сосед. Высоко под потолком, там, куда не добирается со своей метелкой и тряпкой старая грымза, свил свою паутину маленький паучок. Откуда я знаю, что это не паучиха? Во-первых, я бы не потерпела соседку-женщину. Во-вторых, вот уже третий год, как я наблюдаю за этим малышом, и он ни разу не принес паучат. В-третьих, время от времени он куда-то исчезает – видимо бегают спариваться к какой-нибудь противной (для меня) и весьма привлекательной (для него) самочке.

Это очень трудолюбивый паук. Он тщательно следит за своей сетью, не позволяет ей зарастать пылью и постоянно очищает от старых засохших трупиков фруктовых мушек. Это паук, знающий толк в прекрасном. Его паутина соткана по строгим канонам симметрии. И это паук-философ. Иногда, часа в четыре дня, когда до шумного вечера еще далеко, на меня накатывает тоска, и я с ним разговариваю. Он в ответ слегка шевелит жвалами, перебирает лапками и вдумчиво смотрит на меня своими мудрыми глазами.

А вы знаете, что именно паук является спутником великой богини Акидис, покровительницы любви земной и грешной? Говорят, когда-то давно была она влюблена в прекрасного рыбака. А тот любил лишь море. Как ни билась владычица, она не смогла зажечь в его сердце ответную страсть. Тогда, разгневавшись, она превратила юношу в паука, обреченного вечно жить вдали от соленой стихии, но в последний момент ее сердце сжалилось (так говорят одни) или, напро-

тив, преисполнилось коварства и злобы (так говорят другие) и она оставила ему его сети то ли в утешение, то ли на вечную горькую память.

И вот теперь вокруг Акидис всегда раскинута паутина, в которой запутываются и праздные гуляки, и грозные вельможи. И сотни девок из квартала Цветов, и тысячи невинных дев Города, и даже бесчисленные множества честных женщин прекрасной страны Офир ежедневно возжигают светильники перед маленькой статуей, и подносят ей цветы и фрукты, и смазывают медом и нардом ее уста и ступни ее ног, с единственной целью – привлечь сердце того, кто им мил.

Паучок, маленький паучок, так ловко ловящий фруктовых мух в свои тенета! Может быть, ты замолвишь слово за свою беспутную соседку, и великая богиня Акидис продлит дни ее молодости и красоты?

Скороход

В народе ходит поверье, что скороходы нашего Правителя так быстры от того, что натирают пятки камфорным маслом, точь-в-точь как музыканты натирают смычки, чтобы они скорее бегали по струнам. В народе ходит много глупых баек, примерно так же связанных с реальностью, как эта. На самом деле скороходы действительно смазывают ступни маслом солнечного дерева, настоящим на особых травах. Но делают они это не до того, как бегут, а после. Когда приходят

усталые домой, и жены омывают им ноги, и неутомонные дети требуют игрушек и сластей, а ноги гудят так, что кажется, будто кожа вот-вот лопнет, скороходы достают медные сосуды, наполненные целебной мазью, и начинают разминать мышцы и растирать пальцы. И постепенно боль проходит.

Да, от боли в ногах есть средство, – говорят скороходы. – Вот от чего средства нет, так это от колокола, который начинает бить в голове примерно на пятой миле бега и не успокаивается еще долго после того, как доставил послание Правителя. Бывает, что и на следующее утро встаешь, ничуть не освеженный сном, а в висках все так же пульсирует кровь, и уши наполняет неумолчный звон. И тогда ходишь весь день злой, ругаешь ни за что жену и детей, а, бывает, и приберешь кого из них. В такой день лучше всего отсидеться в приморском трактире, обедаясь маринованной в уксусе и перце рыбой и заливая чашами в глотку вино.

Вот примерно, как эти несчастные скороходы, чувствовала я себя однажды, проведя ночь с рыжебородым купцом. К девкам приходят разные люди за разным. Одним нужны ласки, другим строгость, третьи любят поднять на тебя руку. Кто-то любит весь вечер танцами или забавляется игривыми песнями. Кто-то всю измучает разговорами о своей или твоей жизни. Но этот рыжебородый был из самой худшей породы – он был из тех, кто отягощен заботами и не может уснуть до зари. Уже он пресытился моей любовью, и потешился моими плясками, и слушал мою игру на арфе, и

выспросил меня, как я стала шлюхой. Я рассказала ему множество историй о заведении матушки Ним и спела множество песен страны Офир, а также египетских, ассирийских и греческих. Уже голова моя разбухла, глаза горели огнем, тело было, точно избитое, рот пересох, а пальцы потеряли чувствительность. Но он все не спал. Под конец, видя мои мучения, он велел мне ложиться и отдыхать, а сам присел под лампой и принялся рассматривать какие-то свитки.

Однако не было мне покоя. Я лежала, закрыв глаза, и рев, подобный реву моря в шторм, наполнял голову. Странные обрывочные мысли мучили меня, и я готова была спуститься вниз и шарить по столам в поисках уцелевших после вчерашнего разгула вина и сикеры. И вот представилось мне, что мой сон – это скороход, которого властелин Дрема послал ко мне, и который спешит изо всех сил. Вот он бежит через огромную долину, заросшую алыми маками, бежит ровно, умело сохраняя дыхание, понимая важность порученного ему дела. Но долина так длинна, а за ней еще дорога вдоль соленого озера, и потом уже, по узким улочкам Города, где ему, еще, быть может, придется плутать в поисках заведения матушки Ним, потому что, хотя и славно оно далеко в округе, всегда найдется шутник, который укажет неверную дорогу... Но в конце концов скороход найдет меня и подарит мне избавление от мук.

И уже засыпая, почти не понимая, где я нахожусь и кто я, я подумала, что смерть – это тоже скороход, который ко-

гда-нибудь найдет каждого из нас.

Певцы

А что вы думаете о певцах? О людях, кому боги даровали сильный голос и верное чувство ритма, и которые поэтому благословенны от рождения, ибо всегда имеют верный кусок хлеба? Даже нищие попрошайки, которым посчастливилось уметь петь, набирают за день гораздо больше медных монет и просяных лепешек, чем их менее талантливые соседи.

Правитель Города не очень высокого мнения о певцах. По правде сказать, он их недолюбливает. «Нельзя питать уважения к тем, – говорит он, – кто взимает плату за преимущества, доставшиеся им от рождения, не преумножая их. Мудрецы неустанно совершенствуют свой острый ум, решая сложные задачи, постигая законы вселенной, творя суд над деяниями людей. Поэты постоянно в поиске новых сюжетов и характеров, создают удивительные поэмы и проникают в сущность чувств. Музыканты проводят долгие часы, тренируя быстроту пальцев и силу легких. Все эти люди, хотя и пользуются даром, данным им богами, но не бездумно растрачивают его, а совершенствуют и улучшают. Певцы же просто полагаются на свой голос и извлекают прибыли, не прилагая больших усилий».

Так говорит правитель. И я готова была бы с ним согласиться, если бы не чувствовала, что ту же логику можно при-

менить и к девкам. Мы ведь тоже полагаемся на свою красоту и можно сказать, что извлекаем прибыли, не прилагая больших усилий. А между тем, нельзя сказать, что мы равны. У мужчин разные пристрастия. Кто-то предпочитает полнотелых покорных моавитянок, кто-то узкобедрых, длинноногих египтянок, кто-то гибких и капризных уроженок страны Офир. Но почему-то все наши гости без исключения, проведя ночь с нубийкой Шебой, никак не могут ее забыть, и все возвращаются к ней. А ведь она уже не так молода, тело ее пополнело, а в углах рта наметились морщинки. Все мы, обитательницы заведения матушки Ним, знаем, что к Шебе благоволит великая Акидис, покровительница любви земной и грешной. Но знаем мы так же, что нубийка никогда не бывает ленива со своими гостями и не пренебрегает теми секретами мастерства, которые знает, но не всегда пускает в ход каждая из нас.

Вот так же и певцы. Всем им от рождения дан прекрасный голос. Но лишь некоторые из них умеют пользоваться им во всю силу, раскрыть всю его полноту и звучность и пленить любого из слушателей.

Так что, пожалуй, я не соглашусь с Правителем.

Впрочем, мнение мое ничего не значит. Ведь я всего лишь невежественная девка из квартала Цветов.

Проклятие

Нет в городе мужчины, который бы не верил в проклятия. Для защиты от этого грозного оружия они надевают амулеты из солнечного камня, оплетают запястья лентами, выкрашенными пурпуром, а в особо страшных ситуациях носят во рту серебряную монету с изображением орла. И нет в городе женщин, кроме одной, которые бы не верили в проклятие. Впрочем, женщины не так беспокоятся о защите, так как всем известно, что одной капли месячной крови на подоле хватит, чтобы отворотить любого, даже самого злого колдуна.

А я не забочусь даже о том, чтобы юбка моя была замарана. Я не верю в проклятия.

Случилось это уже давно, когда я была юницей и только-только поселилась в заведении мадам Ним. Однажды, в день грозного Давана, когда богами запрещено работать, и все девки маются от скуки, в дверь заведения постучал управитель одного из самых знатных наших вельмож. Он просил помощи.

Дело было в том, что этот самый вельможа был проклят одной стигийской ведьмой, и проклятие это было ужасным. Он ценил женскую красоту, и даже влюблялся, но едва оказывался с женщиной наедине, на него нападала странная слабость – он немедленно и очень крепко засыпал. Из-за этого он не только не знал радостей плотской любви, но и – самое страшное – не мог зачать наследника, чтобы передать ему дедовские земли и титул.

Долгие годы многие волхователи и ведуньи бились над

тем, чтобы снять проклятие, но не преуспели. И вот в отчаянии вельможа решил обратиться к матушке Ним, самой сведущей в любовных делах хозяйке из квартала Цветов.

– Тут надобна молодая, бойкая и безрассудная девка, – сказала матушка Ним и вызвала нас всех к себе. Но большинство из нас, убоявшись, как бы проклятье не пало и на их головы, отказалось иметь дело с вельможей. Только я согласилась, оговорив, однако, достойную плату.

И вот, когда день грозного Давана миновал, и заведение снова могло работать, к нам прибыл сам вельможа. Пришел он тайно, закутав голову плащом и с одним только слугой. Матушка Ним ввела его в отдаленные покои, предназначенные у нас для скрытных людей, и оставила нас наедине. И вот едва лишь этот знатный мужчина коснулся моей руки, как тотчас упал, как подкошенный, на ложе и погрузился в беспробудный сон. Я же сняла с него одежды, скинула свое платье, легла рядом и прижалась к нему, как научила меня хозяйка. Спал он крепко, однако ноздри его раздувались во сне. Тогда я положила свою ногу ему на бедро и вскоре почувствовала, что его детородный орган восстал. Ну, тут пришлось мне потрудиться, но вскоре все дело было кончено – я чуть было не сказала «к обоюдному удовольствию», но, боюсь, я никакого удовольствия не испытала, а он, если и почувствовал что-то, то, пробудившись, все равно бы не вспомнил.

И так я сходилась с вельможей еще трижды за эту ночь.

– Теперь будем ждать, – сказала наутро матушка Ним, – и мы принялись ждать. На третью неделю после того мне приснилось, что я проглотила живую лягушку, и она бьется своими сильными лапами у меня в животе. Я пересказала свой сон хозяйке, и та обрадовалась, но не спешила слать гонцов к вельможе. И только еще через два месяца, когда признаки стали неоспоримы, мы известили будущего отца. Я была тогда еще очень молода и заботилась только о том, как бы материнство не испортило моей груди. Но кормить мне не пришлось. Ребенка в тот же день забрали во дворец вельможи, где его выпоила достойная женщина, тщательно отобранная среди окрестных крестьянок. А я быстро оправилась от родов, не оставивших ни следа на моем теле, отдала деньги, подаренные мне счастливым отцом, в рост финикийским ростовщикам и осталась в заведении матушки Ним.

Почему я не начала честную жизнь или жизнь свободной гетеры? Кто его знает. Видимо все дело в том, что я действительно была молодой, бойкой и безрассудной.

Коллекционер

Ну, раз уж я вам рассказала, как разбогатела сама, настало время поведать странную историю о том, как матушка Ним заполучила свое заведение, да плюс к тому виноградники на склонах гор, да еще два пшеничных поля и масличную рощу за Городом. А дело было так.

К девятнадцати годам матушка Ним (которую, конечно, никто тогда не называл матушкой) уже добилась некоторых успехов в веселом деле, и слыла едва ли не самой горячей девкой в квартале Цветов. Особенно посетителям нравилась ее высокая, пышная и крепкая грудь – грудь ни разу не рожавшей женщины в расцвете лет.

Женская грудь... Это источник молока для ребенка, и, одновременно, источник терзаний и наслаждений для мужчины. Боги создали ее прекрасной и желанной, словно плод инжира, но, увы, такой же нестойкой в своей красоте. Так думал и один богатый купец, который повидал немало прекрасных женщин и собрал удивительную коллекцию чаш, изваянных по форме персей прелестнейших из дев страны Офир, Абиссинии, Месопотамии... Поговаривали, что в его коллекции есть даже слепок с груди дикой гиперборейской женщины, по которому видно, что тело этих дикарок покрыто длинными волнистыми волосами. Естественно, что купец-коллекционер, наслушавшись разговоров об удивительной груди матушки Ним (которую, конечно, никто тогда не называл матушкой) захотел заполучить новую чашу себе в собрание.

И вот он призвал знаменитую девку к себе и велел ей обнажиться. Затем он отослал слуг, сам проделал все необходимые манипуляции и держал красавицу у себя еще целый месяц. Что там происходило, никто не ведает, но, выйдя из дом коллекционера, матушка Ним тотчас уединилась со сво-

им хозяином – персом, который красил бороду в огненный цвет и завивал колечками, и выкупила заведение со всеми девками, посудой, одеждами, мебелью и репутацией. Также матушка Ним сходила к евреям, что берут в заклад земельные участки, и выкупила у них по выгодной цене виноградники на склонах гор, два пшеничных поля и масличную рощу за Городом.

С тех пор он стала сама себе хозяйка. Но – странное дело – с тех же самых пор, насколько известно в квартале Цветов (а в квартале Цветов ничего не утаишь) у матушки Ним никогда не было сердечного увлечения. И хотя было много желающих – охотников за красотой ее или за богатством – что, впрочем, не играет большой роли, ибо и то и другое делает мужчин настойчивыми и необузданными в своих желаниях, так вот, хотя было много желающих, и не только мужчин, но и женщин, ни разу матушка Ним не позволила себе быть слабой.

Наверное, оттого по кварталу Цветов, а затем и по всему Городу пошли слухи о необыкновенной ее мудрости.

Тут, собственно, и кончается рассказ моей героини. Но я добавлю еще несколько слов. Слов, которые могла бы сказать матушка Ним, да только она их никогда и никому не говорила.

Все они пересказывают друг другу истории о моем неожиданном легком богатстве, и все они ничего не знают о той цене, которую мне пришлось заплатить за него. Но сегодня,

так и быть, я расскажу об этом.

Едва я обнажила грудь перед коллекционером, как он восхищенно ахнул и воскликнул:

– Сколь прекрасна твоя грудь, чаровница! Сколь совершенна ее форма! Но есть у тебя прелести много желаннее. Посмотри на свои сосцы, как гордо вздымаются они, как прелестно они упруги и полны, как дивен цвет, их красящий оттенками, которые бывают только на губах четырнадцатилетней ханаанской девственницы, ни разу не знавшей поцелуя! О, как желаю я завладеть этим чудом!

И он уговаривал и улещал меня, и грозил мне, и падал на колени, и осыпал меня золотом, и увешивал мои запястья ожерельями из безупречного жемчуга, и под конец уговорил. Острой сталью он отсек оба моих сосца и уложил их в шкапулку, наполненную морской солью. От боли я ничего не понимала, а то бы сказала ему, что, хотя в соли сосцы мои и будут сохранены, вряд ли останется в них та полнота и тот цвет, которые так пленили его. Месяц лучшие лекари Города врачевали мои раны, и, пока я лежала и страдала от боли в доме коллекционера, я передумала множество дум. Впрочем, ничего нового нет в мыслях оскорбленной женщины – а я была жестоко оскорблена. По истечении же месяца я взяла причитавшееся мне золото, и жемчуга, и с умом распорядилась своим богатством.

Напоследок надо сказать, что коллекционер не долго еще наслаждался своим собранием. Осенью того же года попал

он вместе со своим судном в жесточайший шторм у берегов Аравии. А так как коллекцию свою он всегда возил с собой, соленые волны навсегда поглотили и чаши, изваянные по форме совершеннейших грудей в мире, и шкатулку, в которой бережно хранились два моих несчастных, ни на что уже непригодных сосца.

Свеча

Не помню, говорила ли я уже вам, что среди знатных семей Города принято скрывать и стеречь жен и дочерей. И в особенности это касается дочерей, чья неодолимая девичья прелесть так и манит к себе размечтавшихся мужчин, далеко не каждый из которых представляет собой подходящего жениха. Впрочем, отцам города хорошо известно, что даже так называемые немногочисленные подходящие женихи далеко не всегда стремятся к тому, чтобы стать подходящими мужьями. Поэтому знатные девицы Города изнывают от скуки в своих комнатах, спрятанных глубоко в покоях дома, окруженного высокой оградой, охраняемого злобными сторожами. Так что многие из них буквально не видят белого света и узнают о жизни снаружи только из рассказов своих верных кормилиц. Впрочем, как бы не злобны были сторожа, как бы не верны были кормилицы, неподкупными их все-таки не назовешь. Иначе бы не происходили в Городе истории, подобные той, о которой я хочу вам сегодня рассказать.

Итак, в одном из знатнейших семейств росла в строгой тайне прелестная девочка, которая только-только превратилась в прелестную девушку, как молва о ее красоте, добронравии и мастерстве в тканье ковров широко распространилась по Городу. Местные повесы и так и сяк обхаживали слуга дома, но те держались твердо и не поддавались ни увещаниям, ни посулам. Но вдруг на базаре стали поговаривать о том, что эта самая благонравная красавица-искусница разродилась в четверг прехорошеньким младенцем, чьи ярко-синие глаза и белокурый пушок на темени без сомнения указывали, что отцом мог быть только один из мужчин другого, не менее знатного, рода.

Отец девицы, коею уже никак, конечно, нельзя было почитать таковою, предпринял расследование, допросив с пристрастием каждого слугу в доме, вплоть до самого мелкого поваренка. Вначале слуги дружно запирались, но при виде раскаленных клещей быстро дали слабину и указали на старую нянюшку, которая смиренно доживала свой век в людской, довольствовалась лепешкой и кувшином молока в день и никому не причиняла хлопот. Нянюшка же, уже полуслепая и полуглухая, уразумев с трудом, чего от нее хотят, довольно спокойно поведала, что, действительно, как-то раз, когда она гуляла по базару просто для удовольствия (потому что у ней уже давно нет денег, на которые можно что-нибудь купить, да и, по правде сказать, нет и желания что-нибудь покупать), к ней подошел красивый златокудрый юноша

и, слезно умоляя, уговорил передать в подарок злополучной девице большую витую свечу прелестного багряного цвета. Что старуха и сделала, не задумавшись. А напрасно. Если бы старая гримза чуть-чуть подумала, она бы поняла, что передает хозяйской дочери одну из знаменитых свечей Акидис.

Свечи эти, да будет вам известно, всегда бывают только парными. И если мужчина и женщина зажгут каждый по такой парной свече в одно и то же время, то, как бы далеко они не были друг от друга, их думы и тела тотчас соединятся в любовном порыве. Ибо такова воля Акидис, покровительницы любви грешной и земной.

Конечно же, так и произошло. Едва невинная девушка зажгла окаянную свечу, как тело ее охватила неведомая дрожь, разум помутился, а сердцем овладела неведомая истома. Без сил повалилась она на ложе и едва уже осознавала, как призрачный любовник овладел ее телом. И, видимо, его объятья не были противны девушке, ибо с тех пор повадилась она жечь багряную свечу каждый вечер, пока не спалила ее без остатка.

Вот что наделала неразумная старуха!

Отец девушки, уразумев, как беда проникла в его дом, долго не горевал, а велел приказчику составить список приданого и пошел непрошенным гостем в дом белокурой семейки. Глава рода, уже скорее седой, чем белокурый, но все еще не утративший пронзительной синевы глаз, по правде сказать, уже поджидал его. Он не имел ничего против того,

чтобы породниться с небедными и благородными соседями и уже дал нагоняя своему восемнадцатилетнему сыну, который предпочел проникнуть в дом будущего тестя обманом. В общем, после длительного изучения приданого, осмотра пастбищ и полей, и масличных рощ, и складов, брак был заключен, а доброе имя красавицы очистилось.

Однако, поговаривают в Городе, что теперь в знатных домах девичьи покои освещают не чистыми восковыми свечами, а чадящими масляными лампами. На всякий случай.

Закат

Вечерний Город покрыт тенью и оттого кажется куда красивее и загадочнее, чем он есть на самом деле. Я смотрю на глиняные стены домов, на которых торопливые руки уже намалевали известью белые треугольники – знак траура, на то там, то здесь встречающихся на улице солдат с хмурыми лицами, на кошек, лакающих воду из нечастых ручьев, и думаю, что сегодня Город потерял еще одну тайну.

Хотя все вокруг озабочены совсем другим – Правитель умер этим утром. Умер не то, чтобы неожиданно, умер, проболев три недели, так что верховные власти успели прислать из столицы вооруженные отряды на случай мятежа. Все вокруг шепчутся, что Правитель прожил не так уж и мало – пятьдесят семь лет, и тридцать пять из них он управлял городом, мудрой и верной рукой ведя его к процветанию. А

мои мысли заняты совсем другим.

Дело в том, что сегодня в Городе умер еще один человек. Умер внезапно, не попрощавшись ни с кем. Впрочем, ей и прощаться-то было не с кем. Щипачиха поутру, по своему обыкновению пришла в заведение чернобородого Ассура и только обратила алчный взор к кувшину молодого кислого вина, которое ей вынесли, как прохрипела что-то невнятное и рухнула на покрытый мелким белым песком пол задних комнат.

Нечего сказать, быстро она умерла, предоставив Ассуру разбираться с последствиями. Он тут же послал вестников по кварталу Цветов, и матушка Ним отправила меня к нему вместе с десятком серебряных монет (потому что, когда кто-то умирает внезапно в квартале Цветов, без взятки это дело не уладить) и полным набором погребальных одежд, начиная от полотняной рубахи и заканчивая расшитым треугольниками оплечьем.

У Ассура уже суетились старухи, обмывая тело. Поскольку мне велено проследить, чтоб все было сделано, как следует, я встала у стены и принялась перебирать одежду Щипачихи, сваленную в углу. Обычные, не слишком чистые тряпки, неожиданно искусно сделанный пояс и багряный кисет, привязанный к нему. В кисете нюхательная смесь и какой-то продолговатый предмет. Обдув его от крошек, я обнаружила изящную полую золотую трубочку, покрытую филигранной чернью. Для чего была нужна эта странная трубочка? И тут

меня осенило. Я подошла к столу, на котором лежит тощее тело Щипачихи и вгляделась ее худые, покрытые опавшими синими узлами вен ноги. Так и есть – на левой ступне не хватает мизинца.

И когда-то этот недостаток заменяла та самая золотая трубочка. Горло мне перехватил спазм, слезы было уже не удержать, и я вышла из комнаты, чтобы не позориться, рыдая над телом старой шлюхи. Над телом когда-то прекрасной и грозной в своей прелести Галатеи золотой мизинец.

И все-таки странно, что она умерла в один день с Правителем. Словно бы она поспешила за ним, чтобы не опоздать на суд, чтобы там, в загробном мире, предъявить тамошнему Правителю свою изуродованную ногу и свою изуродованную жизнь и добиться, наконец, правосудия!

Прочитать три раза

Вы помните ту моавитянку, которая послужила Астарте, родила четырех близнецов и поселилась в чудесном имении за Городом? Ну, ту самую, которая не ощущала запахов и выдержала месяц жизни в кожевенной слободе? Так вот на днях с ней случилась презабавная история. Надо сказать, что моавитянка эта, несмотря на свой ущербный нос, а может быть, именно из-за его ущербности, необычайно любит воскурять благовония. И вот на днях ей удалось добыть чрезвычайно редкий состав – "Евины волосы", с которым нужно

быть очень осторожным.

А именно: требуется смешать состав с равным количеством елея, поджечь получившуюся смесь, трижды прочесть краткую молитву Акидис, покровительнице любви земной и грешной, и тут же гасить благовоние. Если все проделать, как должно, комната наполнится ароматом, подобным аромату медоносного луга в июне. Но если промедлить и оставить состав горящим еще хотя бы минуту, благоухание обратится в необычайную вонь, которую вывести чрезвычайно трудно.

И вот наша моавитянка смешала "Евины волосы" с елем, и подождала, и принялась читать молитву. Но – как она сама потом рассказывала – на нее внезапно напал странный столбняк. Только она произнесла в третий раз слова "И привлеки ко мне сердца тех, кто мил мне, и не дай моему сердцу склониться к тому, кто ко мне равнодушен" и собралась погасить огонь медным колпаком, как последняя строка молитвы словно замкнулась в кольцо, и сколько моавитянка не старалась, все кружилась и кружилась у нее в голове, все повторялась и повторялась. Бедная женщина стояла посреди комнаты и бессильно смотрела на блюдо, в котором догорал состав, источая – как она знала, но не могла почувствовать – чудовищное зловоние. И вдруг как будто кто-то хлопнул ее изо всех сил ладонями по ушам, и из носа выскочила пробка, она ощутила запахи. К несчастью, запахи те были отнюдь не приятными. С криком выбежала моавитянка из комнаты, и из дома и велела своим рабам немедленно растворить все

окна и выносить из помещений мягкую рухлядь с тем, чтобы она окончательно не провоняла.

Семь дней проветривала моавитянка свой дом, прежде чем решилась войти в него снова. За это время воздух почти полностью очистился, и только ложе в ее комнате пахло так, словно на него сходил гуляющий кот. Так что эту богатую постель пришлось выбросить, что и было сделано без жалоб и сожалений. Можно сказать, что моавитянка совсем дешево расплатилась за свое новообретенное обоняние. Но кто знает, решится ли она однажды узнать, каков таков истинный дивный аромат "Евиных волос"?

Поругание сестер Маски

Две недели в квартале Цветов было тихо. Две недели девки бродили бесцельно по улицам в поисках клиентов. Две недели в заведениях было также безлюдно, как в день грозного Давана. А все из-за кого? Из-за бесшабашных сестер Маски, чтоб им в полной мере изведать милость их бесшабашного бога.

Впрочем, если вы живете не в Городе, вы вполне можете и не знать, что это за бог. Говорят, что в других местах славной страны Офир в него не очень-то и верят. Бог Маски – так мы его называем, потому что никому не ведомы ни его имя, ни его обличье. Это злой бог, бог-насмешник и разрушитель. Это бог случая. Поклоняются ему, в основном, иг-

роки и купцы, путешествующие в дикие страны. Впрочем, не слышно, чтобы он помогал даже тем своим поклонникам, которые приносят ему богатые дары и возносят слезные молитвы.

Так вот, бесшабашному этому богу служат не менее бесшабашные жрицы. Вечно они придумывают новые каверзы и баламутят мирную жизнь Города.

Итак, две недели назад верховная жрица бога Маски в сопровождении четырнадцати сестер появилась на базаре в непотребном виде – с обнаженной грудью и выбритой налысо головой (причем, такой же вид имели и четырнадцать ее сестер) и объявила, что отныне все жрицы доброго бога Маски будут принимать любого желающего в свои объятия совершенно бесплатно.

Понятное дело, такая новость быстро распространилась по Городу, и обрадованные моряки, купцы, стражники и прочие клиенты бросились к воротам храма за удовлетворением тех желаний, с которыми прежде посещали квартал Цветов.

Девки приуныли. Ясное дело, сестры Маски не так умели в делах любви, как мы, но нельзя недооценивать и жадность, а также прелесть новизны. Владельцы заведений рвали волосы и бороды и проклинали жестокого бога случая, и только мудрая матушка Ним говорила:

– Отдыхайте девки, пока можете, и не сетуйте на судьбу. Случай вверг нас в беду, случай же из нее и вызволит.

И правда: позавчера к пристани причалил огромный корабль, гребцы которого, здоровенные нубийские парни, немедленно с радостными криками вывалили на берег и, разгоряченные слухами, которые по морю разносятся так же быстро, как и по базару, рванули к храму бога Маски. А надо вам сказать, что нубийские матросы – парни горячие и никогда не спускают, если что идет не так, как им любо. Что уж там произошло в храме, никто точно не знает. Только вчера в полдень верховная жрица снова появилась на базаре в сопровождении четырнадцати своих сестер. Только теперь с головы до ног, скрывая даже лица, их фигуры окутывала черная густая сетка, вроде той, что надевают пасечники, когда вскрывают свои улья.

Высоким обиженным голосом она возвестила, что отныне сестры ведут исключительно добродетельный образ жизни, а в память о прежних грехах неделю будут они носить эти черные вуали, не снимая.

И шум и веселье вновь воцарились на улицах квартала Цветов.

Приключение, которого я избежала

После истории с проКлятым сном вельможи, которого я так удачно наградила наследником, по всему кварталу Цветов за мной закрепилась слава девки бесшабашной, и кто знает, может быть, даже малость не в себе. Именно поэтому,

когда к пристани причалил корабль, изукрашенный веселыми картинками, с полногрудой женщиной, венчавшей нос, хозяин корабля, чернокудрый купец, в котором кто-то признавал уроженца Ассирии, кто-то – финикийца, а кто и сумрачного обитателя Аравийских пустынь, сразу же пришел ко мне и сообщил таинственным шепотом, что затеял великое дело, на котором все участники смогут стяжать себе состояние.

Накануне вечером я долго пиროвала с гостями, и была от того сонной, недоброй и недоверчивой.

– В чем же состоит это твое столь выгодное предложение? – капризно спросила я, шаря глазами по столам в поисках кувшина с водой.

– Всем известно, – начал чернобородый купец неизвестной народности, – как страдают в море путники, все, от простых матросов до знатных корабелов. Их мучит жажда, они плохо питаются, их постоянно мутит, сверх того, их беспрестанно страшат бури и иные грозные погибели, которыми полон океан. Так не будет ли милосердным и справедливым дать им хоть немного радости, когда они подвергаются стольким несчастьям? Вот я и задумал поселить на корабле двенадцать прелестниц и расхаживать с ними по морям, доставляя всяческие удовольствия командам встречных судов.

Что и сказать, задумка была неплоха. Но я отказалась. Во-первых, у меня гудело в голове и ноги подкашивались, и сама мысль провести несколько месяцев на неустойчивой палубе

корабля, да еще и развлекая бог весть кого, вызывала у меня тошноту. Во-вторых, примерно в это же время я увлеклась одним волооким менялой, и вовсе не хотела лишаться хоть редких, но весьма приятных встреч с ним.

Чернобородый купец вздохнул и отступился от меня. Впрочем, вскоре он набрал своих двенадцать девок и исполнил задуманное. Да только случился с ним конфуз. Не прошло и двух месяцев плавания, как стало очевидно, что все до единой девки на его корабле в тягости. Причем несчастные громко сокрушались и клялись, что ведать не ведали о такой напасти, когда принимали его предложение. Более того, животы их раздувало с немыслимой быстротой, так что корабль едва-едва смог вернуться в Город и высадить брюхатых красавиц, как все они принялись рожать.

И вот – весь Город свидетель, что я не лгу! – вместо детей их чрева извергли какую-то пузырящуюся зелено-синюю массу, которая немедленно принялась обволакивать их ноги, словно заключая в непроницаемую капсулу. И вот уже через полчаса на берегу лежали двенадцать женщин с рыбьими блестящими хвостами. Женщины эти одновременно вскрикнули что-то высокими влекущими голосами, перевернулись на животы и очень ловко поползли к кромке моря. И не было никого, кто осмелился бы встать у них на пути, ибо всем было понятно, что тут не обошлось без великого Змея, покровителя мореплавателей. Так все двенадцать и скрылись в соленой пучине, а чернобородый купец принялся проклинать

свою злую судьбу, потому что понимал он, что уже никогда ни одна девка не поднимется на борт его корабля.

А я осталась при своих ногах. Впрочем, не знаю, к счастью или не беду. Возможно, быть девой морской и служить Великому змею участь куда более приятная, чем жизнь в заведении матушки Ним, какой бы мудрой не была эта женщина.

Женщина на скале

В Городе происходит так много удивительных, поучительных, а часто и сверхъестественных событий, что, казалось бы, его обитатели давно должны были к ним привыкнуть. И в самом деле, редко что поражает горожан до такой степени, что воспоминание становится преданием, а предание – легендой. Но все-таки такое случается иногда.

Я ведь, кажется, еще не рассказывала вам о женщине на скале? Так вот. Это случилось давно. Так давно, что уже и имени этой женщины никто не помнит, а потому называют ее просто Матерью близнецов. Рассказывают, что одному купцу молодая жена подарила сразу двух наследников – мальчиков-близнецов, и тот на радостях украсил ее руки парными золотыми браслетами, покрытыми черненными виноградными лозами. В детстве с этими мальчиками не происходило ничего, что бы ни случилось с другими мальчишками, а когда они выросли, отец решил передать им самую трудную и опасную часть своего дела – заморские поездки за товарами. Мо-

лодые шалопаи очень обрадовались, а их постаревшая уже мать огорчилась, ибо знала, какими несчастьями порой сопровождается жизнь мореплавателя. Когда близнецы отправились в свое первое путешествие, женщина встала на скале, что возвышается неподалеку от гавани, и, воздев руки, махала им в след, так что они, оглядываясь на Город, долго еще видели одинокую фигуру и блики солнца на ее браслетах.

Затем мать принялась ждать, между делом исчислила сроки, в которые сыновья должны были возвратиться, и прирастилась подыматься каждое утро на скалу, выглядывая, не появятся ли очертания знакомого корабля. Так что, когда близнецы, возвращаясь, жадно озирали берега родины, на той же скале они увидели ту же фигуру и тут же опознали в ней свою мать. Так и повелось. Женщина провожала и встречала своих сыновей, и постепенно они стали считать ее чем-то вроде своего оберега, да и у других мореплавателей вошло в привычку искать, отплывая, фигуру на скале, приносящую удачу.

Время шло, женщина старела, и вот однажды сердечная болезнь сразила ее. Сыновья были как раз в отъезде, и она очень тосковала, боясь, что не увидит их. А когда наступило время их возвращения, она обманула служанку и сбежала из дома. С трудом взобралась она на скалу и стала ждать своих близнецов. Служанка ее, конечно, догадалась, куда ушла госпожа, и пришла к ней и стала ее уговаривать спуститься, но не преуспела и осталась с матерью близнецов, изредка по-

давая ей питьё и промокая пот с ее лица. И вот, далеко за полудень, женщина увидела знакомый корабль. Она в волнении подняла руки и стала махать ими, приветствуя сыновей, и те увидели свою мать, и сердца их успокоились. А когда корабль вошел в гавань, фигура на скале медленно осела на землю. Ее сердце тоже успокоилось. Успокоилось навсегда.

Но с тех пор – от многих моряков и купцов слышала я это и верю всей душой – фигура на скале продолжает встречать и провожать корабли, и зоркие глаза в солнечный день видят блики света, расходящиеся от золотых браслетов на ее вздетых руках.

Лилии долин

Один из постоянных посетителей, из тех, что привязываются к определенной девке и ждут, даже если она занята, как-то раз после любовных утех гладил пальцы на моей руке и тихим ласкающим голосом говорил:

– Как я люблю твои руки! Как не похожи они на широкие грубые ладони моей жены, вечно покрытые ссадинами, с мозолями на подушечках больших пальцев! Ты – словно лилия долин, которая не прядет и не ткет.

И я улыбнулась ему, а он стал целовать мне пальцы, увидев в улыбке моей одобрение. Я же улыбалась всего лишь своим мыслям. Правду сказать, редкая девка прядет или ткет. Но многие из нас в долгие жаркие дни, когда делать в

заведении матушки Ним нечего, развлекают себя рукоделием. Кто-то расшивает полы платья египетским бисером. Кто-то плетет мягкие тапочки из полос воловьей кожи. Кто-то обновляет старую одежду, замачивая ее в отваре сосновых шишек. Была среди нас одна северянка с волосами светлыми и мягкими, точно кудели льна, которая любила добавлять во все блюда веточки розмарина и мяты, так ей даже посчастливилось через рукоделье переменить свою судьбу.

Как так? – спросите вы меня. А вот как. Рукоделье ее было несложным, но забавным – она вязала пояса из шерстяных нитей, отбеленных в горных потоках, или крашенных соком до темно-бордового цвета. Помню, как, бывало, сидела она у окна, и в ловких ее руках витой шнур быстро увеличивался в размерах, а красные узоры складывались в диковинные арабески. Пояса эти она дарила своим любимцам, и не было среди них ни одного одинакового.

Долго никто не обращал внимания, что там изобразили ее быстрые пальцы, пока однажды один из посетителей, смуглый и гладковыбритый моряк – а надо вам сказать, что мореходы – самые суеверные люди на свете – взглядевшись в подаренный пояс, не воскликнул: «Клянусь хранителем синего Нила, узоры эти напоминают Есейские острова, у побережья которых водятся перловицы! Не иначе, как это знак богов, и я буду не я, если завтра же не отплыву туда!»

Так он и поступил, и надо было приключиться тому, что в этом плавании его искусные ныряльщики добыли не одну, не

три, не пять, а целых восемь превосходных крупных и круглых жемчужин, одна из которых к тому же была редкого черного цвета. Моряк этот продал жемчуг с большой выгодой и в тот же вечер явился в заведение матушки Ним, разбрасывая вокруг себя медную монету без счета. Он рассказал всем, кто был в ту пору в заведении, о дивном пророчестве, и с тех пор у северянки отбою не было от желающих получить пояс, сплетенный ее руками.

Чего только не видели в бордовых узорах одаряемые! И высокие волны, предвещавшие жестокую бурю, и острия стрел, сулившие победу в битве, и колосья пшеницы, обещавшие повышение цен на этот товар, и крыши домов, несомненно означавшие, что подряд на строительство правительственных амбаров достанется именно им...

Северянка разбогатела, выкупилась у матушки Ним (злые языки судачат, что в качестве выкупа она сплела очередной пояс, волнообразные завитушки на котором должны были принести хозяйке удачу на поприще любви), и – кто бы мог подумать – стала вольной жрицей Темного бога, который, как известно, покровительствует гадалеям и ворожеям. Гонцы со всех сторон света, от великих царей и царей поплоше, приезжают в Город только, чтобы встретиться с ней, а величайшие мудрецы разгадывают значение узоров, вывязанных ее руками, которые, конечно, не так мягки и нежны, как мои.

Сердца мальчишек

Я люблю мальчиков. Они, как правило, чище и нежнее девочек, которым слишком рано приходится узнать оборотную сторону жизни. Мальчики обычно еще сражаются деревянными мечами на заднем дворе, когда девочки уже всю отжимают масло, чешут и прядут шерсть, давят виноград, а то и – чего скрывать – неловко и испуганно обслуживают какого-нибудь мужика в заведении матушки Ним.

Да я люблю мальчиков, но они, к сожалению, слишком быстро становятся мужчинами. Их глаза, прежде полные искреннего восхищения и любви, становятся презрительными и жесткими, руки, которые могут быть такими ласковыми, грубеют, а речи наполняются требованиями и приказами. Много я могла бы рассказать о том, как неожиданно взрослеют мальчики, если бы не было рассказчика куда лучше, чем я. Историю эту я прочитала в одной из поэм так неожиданного оставившего нас поэта Антиоха, а он утверждал, что нашел ее в хрониках Города.

В те дни, когда страна Офир не была такой могущественной, когда Город не был так богат и знаменит, когда не стекались еще к нему со всех сторон света купцы для бойкой торговли, а был он всего лишь небольшим форпостом на западной окраине страны, случилось так, что какой-то царь, ныне уже совершенно забытый, напал на здешние земли.

Многие мужчины были убиты, окрестные женщины и де-

ти собрались в крепости, а тогдашний Правитель не знал, что и делать. В отчаянии он призвал жрецов, самых мудрых из жителей Города, и сказал им:

– У меня осталось едва ли больше, чем десяток солдат. И что с того, что амбары полны, а оружейная забита доспехами, мечами и копьями? У меня есть только бабы, да их малыши, а от них один шум, гвалт и слезы.

И тогда поднялся жрец неведомого бога и сказал:

– Я могу сделать так, чтобы все мальчики в возрасте от двух дней до двенадцати лет стали взрослыми мужчинами, обученными науке воевать и способными защитить Город. Но ты должен будешь принять последствия на себя.

– Какие еще последствия, – вскричал обрадованный Правитель, делай скорей так! – и Жрец сделал так.

В мгновение ока улицы города заполнились бородатыми мускулистыми воинами, и вскоре осада была снята, а ныне забытый царь изгнан из пределов страны Офир с остатками своего войска.

Но последствия не замедлили себя ждать. Мужчины из мальчиков, конечно, получились хоть куда – крепкие, сильные и безголовые. Мысли их были полны всякой чепухой и романтическими бреднями о том, как надо улучшить жизнь и переkreить порядки, существующие в Городе. Кроме того, всей этой массе новосозданных мужей катастрофически не хватало женщин. Ведь девочки, которые при нормально порядке должны бы были стать их подругами, остались детьми

и еще играли в куклы, а почти все остальные взрослые женщины были или их матерями, или тетками, или бабками...

Брожение началось в Городе. Не привыкшие пить мальчишки-мужчины устраивали свары в кабаках, рубились насмерть в веселых заведениях за внимание их обитательниц, и, что хуже всего, собирались вечерами, чтобы обсудить, как плохо и недостойно Правитель исполняет свои обязанности.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на помощь не пришел жрец другого бога – великого морского змея. Он взмолился своему повелителю, и тот вселил в души бунтовавших непреодолимое желание странствий. Вскоре все они поднялись на корабли и отправились к манящим неизведанным землям. Собственно говоря, с этого и началось процветание Города, потому что, когда несколько лет спустя по-настоящему повзрослевшие и набравшиеся опыта странники возвратились, они привезли с собой товары других стран, и военные трофеи, и искусных ремесленников, и сильных рабов, и диковинные инструменты – многое, многое, многое.

А девочки, их суженные, подросли и успели превратиться в зрелых девушек, так что пару лет в Городе только и делали, что гуляли на шумных и богатых свадьбах.

Конечно, вернулись не все. Кто-то сгинул, завоевывая заморские земли, кто-то остался на чужих берегах и обрел дом там, кого-то забрал себе в слуги великий морской змей. Поэтому лет тридцать в Городе было несколько больше старых

дев, и несколько чаще происходили скандальные истории, чем обычно. Но со временем все вернулось к обычному порядку вещей.

Однако последствия, о которых предупреждал жрец неведомого бога, все еще происходят. В каждом поколении, рожденном в Городе, появляется несколько мужчин, сердца которых – сердца мальчишек. И именно поэтому Правители наши никогда не могут спать спокойно.

Тайна страны Офир

Ну что, мои добрые читатели, пожалуй, мне пора завершать рассказ о дивной стране Офир, великолепном Городе – красе и гордости этой страны, славном далеко за его пределами квартале Цветов, находящемся в нем заведении, которым управляет премудрая матушка Ним, и о себе, нескромной и несдержанной на язык девке, которая, наверное, уже надоела вам со своими байками.

История эта, если я не ошибаюсь, будет двадцать восьмой по счету. Мне нравится это число. Оно равно количеству дней в лунном месяце и вмещает в себя превращение серпа в круга и обратно, круга – в серп. Кроме того, оно разбивается на два магических числа: четыре и семь. Кто-то скажет вам, что числа эти волшебные, поскольку существует четыре стороны света и семь его чудес. Я же чту семерку за то, что такого число отверстий на лице человека, через которые

он воспринимает мир, а четверку – ибо это количество путей, ведущих к сердцу женщины. И хотя частые гости квартал Цветов, нахально усмехаясь, назовут вам совсем другие пути, мы, искушенные девки, точно знаем, что это – слава, богатство, жалость и лесть. А похабники пускай себе кичатся своими недорого стоящими остротами.

Итак, это двадцать восьмой мой рассказ. И если предыдущие двадцать семь были правдивы, в чем я могу поклясться и жизнью своей и красотой, как бы легко не весили они на весах времени, я не раскрою вам, будет ли честен последний или это всего лишь одна из легенд, окружающих прекрасную страну Офир и ее великий Город.

Что правда, то правда – в центре Города стоит огромный храм, принадлежащий неведомому богу. Иноземцы удивляются, видя, что в храме этом не курится фимиам, не творятся богослужения, не поются гимны. Жрец неведомого бога следит только за тем, чтобы в здании было всегда чисто, хотя непонятно, кому это надо – ведь там пустынно, и только ветер гуляет от стены к стене. Но вот, что я вам расскажу. Раз в год, в один из весенних дней, когда первые цветы раскрываются на ветвях абрикосовых деревьев, поздно ночью в храм собираются все женщины Города и окрестных деревень, уже познавшие мужчину и еще способные понести. Ровно в полночь они распускают завязки на своих одеждах и обнажают груди. Жрец неведомого бога произносит про себя молитву, и груди всех женщин наполняются молоком так, что оно на-

чинает брызгать из сосков. И каждая женщина подходит к огромной оловянной чаше и сцеживает в нее розовые пенные струи этого необычного молока. А затем все расходятся из храма, как ни в чем не бывало.

И только жрецу неведомого бога нет покоя. Все последующие дни он наполняет молоком флакончики из египетского стекла и рассылает их в каждый город и деревню, в каждый уголок дивной страны Офир. Каждому мужчине достается такой флакончик, и, едва получив его, он тут же выпивает все до капли. Поэтому-то наши мужчины так крепки духом, неустрашимы в бою и надежны в дружестве. Это и есть великая тайна страны Офир, которая будет стоять, пока дочери ее отдадут ее сыновьям свой волшебный сок.

Ну вот, я и рассказала вам свою последнюю историю. Правда это или нет – судите сами. В конце концов, мне ничего не стоит солгать. Ведь я всего лишь беспутная девка из заведения матушки Ним, что расположено в славном квартале Цветов в самом центре великого Города, стоящего на краю дивной стране Офир.